

08

9K(SZII)

E 36

ЕЖЕГОДНИКЪ
ТОВОЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО МУЗЕЯ,
состоящаго подъ АВГУСТЪЙШИМЪ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ.

Годъ 15.

1907.

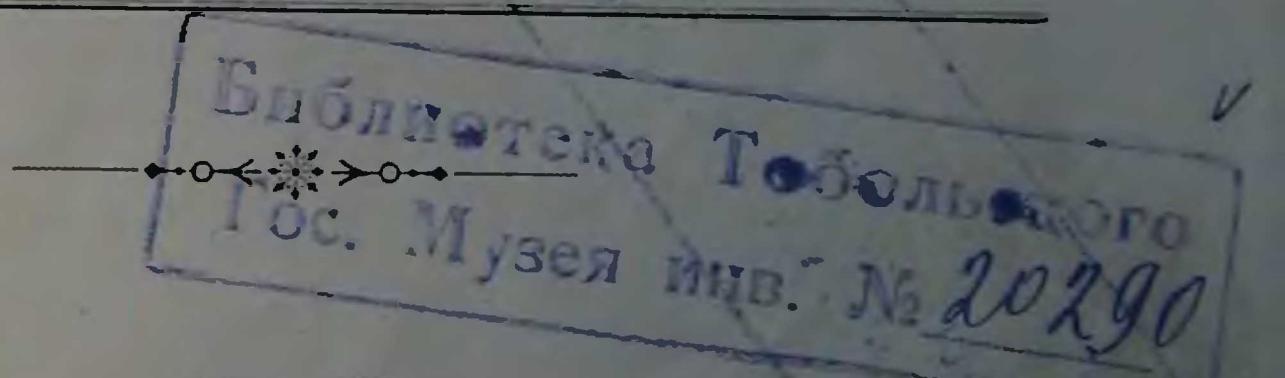
Выпускъ XVII.

A N N U A I R E
du
Musée de Tobolsk,
placé sous la très Auguste
protection
DE SA MAJESTÉ IMPERIALE.

Année 15.

1907.

Livraison XVII.

ТОВОЛЬСКЪ.
Типографія Епархіального Братства.
1909.

Мелочи изъ прошлого тобольской губернії.

•••••

Для детального исторического познанія судебъ тобольской губерніи могутъ имѣть извѣстное значеніе коротенькія замѣтки, имѣющія цѣлью пополненіе, или направленіе находящихся въ литературно-ученомъ оборотѣ данныхъ. Для начала и образца такихъ замѣтокъ предлагаемъ вниманію читателей слѣдующія три мелочи.

I. О митр. Филоѳеѣ (1702—1709, 1715—1721).

Когда заходитъ рѣчъ о миссіонерской дѣятельности сибирского и тобольского митр. Филоѳея (Лещинскаго), въ распоряженіи имѣется чуть ли не единственное цѣнное свидѣтельство, именно книга современаго ему путешественника Григорія Новицкаго, а пособіемъ при изученіи этого вопроса сочиненія Гр. Спасскаго, ¹⁾ Бантышъ-Каменскаго, ²⁾ Н. А. Абрамова, ³⁾ свящ. А. Сулоцкаго⁴⁾, не говоря уже объ „Обозрѣніи“ Словцова.

Что касается до Сулоцкаго, источниками для него служили: упомянутая книга Новицкаго (въ рукописи), лѣтопись Черепанова (въ извлеченіи), дѣла консistorского архива и собственноручныя бумаги митрополита. Объемъ двухъ послѣднихъ источниковъ, использованныхъ этимъ авторомъ, остается неизвѣстнымъ, и всѣ они вмѣстѣ не могутъ представить біографіи „просвѣтителя Сибири“ въ надлежащей полнотѣ и точности, вслѣдствіе чего названный авторъ справедливо замѣтилъ, что жизнь и дѣла Филоѳея описаны и оценены весьма недостаточно.

¹⁾ Сибирскій Вѣстникъ на 1819 годъ.

²⁾ Словарь достопамятныхъ людей Русской земли. V.

³⁾ Ж. М. и. пр. 1846 г. № 12.

⁴⁾ Временникъ Общ. Ист. и Древн., 1854, кн. XX. Л. Н. Майковъ думалъ, что эта статья написана Абрамовымъ.

Принято говорить, что митр. Филоөей (върнѣе уже схимонахъ Феодоръ) ъздилъ съ Новицкимъ къ осякамъ на низовья Иртыша и на Обь четыре раза: лѣтомъ 1712, 1713, 1714 и 1715 годовъ. Но и это свѣдѣніе, записанное Новицкимъ,¹⁾ повидимому не отличается точностью. Основаніемъ для критики четырехкратного путешествія Филоөея являются такъ называемыя разгонныя книги Самаровскаго яма, хранящіяся въ дѣлахъ Сибирскаго приказа въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

Данныя „разгонныхъ книгъ“ говорятъ намъ еще объ одномъ путешествіи митрополита въ Березовъ. Именно въ книгѣ № 1406 и 1015, 1021, 1023 и 1024 читаемъ слѣдующее:

1704 годъ. Въ Сурутъ. „Маія въ 27 день по тобольской подорожной преосвященнаго Филоөея митрополита сибирскаго и тобольскаго посланнымъ отъ него иеромонаху казнодѣю Раѳайлу, иеродиакону Варѳоломѣю да дѣтемъ боярскимъ Василю Градовскому, Ивану Козмину, да по другой подорожной его жъ митрополичимъ дѣтямъ боярскимъ Еремѣю Иванову, Ивану Лукину, на готовое судно кормщикъ да 9 человѣкъ гребцовъ дано наймы по полтинѣ; да на то же судно дѣлана подѣлка шогла и райна и сопецъ, 7 гривенъ дано.—На низъ до Сухоруковыихъ юртъ. Июля въ 6 день по тобольской подорожной преосвященному Филоөею митрополиту сибирскому и тобольскому да подъ ризницу и подъ домовыхъ людей на готовой дощаникѣ кормщикъ да 12 человѣкъ гребцовъ, дано наймы по полтинѣ.—На Демьянскій ямъ. Августа въ 1 день по тобольской подорожной преосвященному Филоөею митрополиту сибирскому и тобольскому да подъ ризницу и подъ людей его и подъ запасъ на готовой дощаникѣ кормщикъ да 12 человѣкъ гребцовъ, дано наймы по 7 гривенъ, того 9 рублей съ гривною.—На низъ до Сухоруковскихъ юртъ. Августа того же вышеписанного числа приѣзжали на

¹⁾ Краткое описаніе о народѣ осяцкомъ (Пам. Древи. Нисъм. 1884 г.)
Изд. Л. Н. Майкова, съ дѣльнымъ, по неточнымъ предисловіемъ послѣдняго
(Филоөей умеръ около 1720 г., тогда какъ онъ около этого времени удалился
только на покой, скончался же 31 мая 1727 г.).

Самаровской ямъ по березовской подорожной за преосвященнымъ Филоеемъ митрополитомъ сибирскимъ и тобольскимъ въ провожатыхъ березовские казаки Дмитрий Кулебакинъ съ товарищи четыре человѣка, и имъ дана лодка да кормщикъ да два человѣка гребцовъ, наймы по двѣ гривны".

Такимъ образомъ 27 мая 1704 г. изъ Самарова выѣхали въ Сургутъ посланцы митрополита; 6 іюля того же 1704 г. самъ Филоей выѣхалъ изъ Самарова внизъ по Иртышу и Оби въ Березовъ. Поѣздка эта была очень непродолжительна, такъ какъ уже 1 августа владыко вернулся въ Самарово, откуда просльдовалъ далѣе въ Демьянскій ямъ—по направлению къ Тобольску. Стало быть въ Березовъ онъ пробылъ около двухъ недѣль и отсутствовалъ изъ Тобольска приблизительно съ 2 іюля по 6 августа 1704 года.

Итакъ оказывается новая, болѣе ранняя поѣздка митрополита Филоея въ Березовъ. Будемъ ли мы считать четыре или пять миссионерскихъ путешествій, необходимо теперь знать, что первая поѣздка его происходила уже въ 1704 г., всего черезъ два года послѣ прибытія митрополита на тобольскую каѳедру; а это безъ сомнѣнія говорить о томъ, что любознательный малороссіянинъ, во исполненіе воли имп. Петра Великаго, сгоралъ ревностнымъ подвигомъ миссионерства. Но вицкій о путешествіи 1704 г. не говоритъ,—можетъ быть потому, что не принималъ въ немъ участія и не зналъ подробностей.

II. Видъ Тобольска ок. 1800 г.

Въ полученной нами отъ лейпцигскаго антиквара Гирземанна гравюрѣ „Vue de la ville de Tobolsk“, около 1800 г. (по каталогу), имѣется указаніе на ея авторовъ: художника Леспинасса и граверовъ Нея и Оvreя.

De Lespinasse de Langeac, французскій литераторъ, родился въ 1750 и умеръ въ 1839 году. Кавалеръ малтійскаго ордена, онъ въ царствованіе имп. Екатерины II состоялъ въ должности секретаря французскаго посольства въ Петербургѣ. Не будучи профессиональнымъ мастеромъ, Леспинассъ не занесенъ въ словари художниковъ. Francois Denis Nee, француз-

ский граверъ, родился въ 1732 и умеръ въ 1818 году; Pierre-Laurent Auveray, граверъ-офортистъ, родился въ 1736 и умеръ послѣ 1800 года.

Всѣ эти художники принимали участіе въ изданіи Леклерковой „Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne“ (Paris 1783—1785) или точнѣе въ исполненіи альбома къ ней; и дѣйствительно, этотъ видъ Тобольска находится въ этомъ альбомѣ.

Мы не можемъ сказать, рисованъ ли онъ съ натуры (въ этомъ случаѣ пришлось бы допустить, что Леспинассъ былъ лично въ Екатеринбургѣ, Тобольскѣ, Якутскѣ и Кяхтѣ, подъ видами которыхъ имѣется его подпись), или непатентованному художнику основаніемъ служили какіе нибудь современные виды этихъ городовъ, которые онъ только приспособилъ къ требованіямъ современной моды.

Общій видъ города схваченъ удачно. Но набережная р. Иртыша едва ли не грѣшила противъ истины. Быть можетъ она была не столь велика въ оригиналѣ, но Леспинассъ пріукрасилъ ее модною тогда манерою—введеніемъ персонажей, какъ бы смотрящихъ на городъ отъ самаго берега рѣки. Перспектива при этомъ не соблюдена въ достаточной мѣрѣ и фигуры смотрящихъ вышли какъ будто нѣсколькоими большими.

Во всякомъ случаѣ мѣсто этой гравюры—въ Тобольскомъ музѣѣ, которому мы и приносимъ ее въ даръ.

III. Видъ с. Самарова XVIII в.

Отъ того же Гирземанна мы получили видъ села Самарова, сдѣланный отъ руки „около 1800 года“, какъ значится въ его Каталогѣ (1908, № 358, II, 60 л. 1529): „Ansicht der Stadt Samara am Irtysch, künstlerische Handzeichnung mit Feder und Bleistift auf röthlichem Papier. Um 1800. 28×49 ст. Aufgelegt auf weisses Papier mit Einfassung. M. 40.“ Наименование Самаровскаго яма *городомъ Самарой* было настолько необычнымъ, что мы даже нашли нужнымъ до покупки списаться съ Гирземанномъ, дѣйствительно ли идетъ тутъ рѣчь объ Иртышѣ, а не о Волгѣ. Въ полученномъ иаконецъ подлинникѣ леген-

да рисунка гласить: „Vue de la ville de Samara sur l'Irtiche“. При взглядѣ на рисунокъ не оставалось болѣе сомнѣнія, что мы имѣемъ видъ села Самаровскаго.

Обращаемъ вниманіе здѣсь на слѣдующія обстоятельства:

1) Въ Самаровѣ имѣется церковь и часовня. Первоначально въ селѣ находилась лишь одна церковь, но уже въ 1728 г. упоминается кромѣ того еще и часовня (Никольская), время основанія которой неизвѣстно. Она стояла во все продолженіе XVIII и XIX вѣковъ, какъ существуетъ и нынѣ. На очень неполномъ и неточномъ рисункѣ Кенигсфельда 1740 г. ея не значится, но это разумѣется совсѣмъ еще не значитъ, чтобы ея тогда совсѣмъ и не было.

2) Число домовъ въ селѣ внесено приблизительно 40; однако это данное не можетъ служить признакомъ для опредѣленія времени рисунка. О числѣ домовъ въ разное время у насъ иѣтъ извѣстій; до нѣкоторой степени обѣ этомъ числѣ можно догадываться по количеству населенія. Въ половинѣ XVII в. жителей въ Самаровѣ было около 60 человѣкъ, въ 60-хъ годахъ того же столѣтія около 90, въ 1748 г. уже 487; послѣ 1755 г., за выселеніемъ очень многихъ изъ нихъ въ Барабинскую степь, количество ямщиковъ очень упало, почему даже въ 1811 г. ихъ значилось только 290 человѣкъ и т. д.¹⁾ Рисунокъ не можетъ дать истиннаго понятія о дѣйствительномъ количествѣ домовъ: это не фотографія, онъ представляетъ лишь образецъ построекъ, а не всю ихъ совокупность. Напр. на упомянутомъ рисункѣ Кенигсфельда 1740 г., когда жителей въ Самаровѣ было около 480 человѣкъ, число домовъ нанесено всего около 25²⁾.

3) Самарово названо Самарой. Такое наименованіе помѣщено въ „Новомъ и полномъ географическомъ словарѣ“ (М. 1789), V, 281—282, но откуда оно заимствовано въ этомъ изданіи, доискаться намъ пока не удалось.

4) Село Самаровское обозначено городомъ. Чуть ли не впервые оно названо Städtlein Makrobskoi (!) Шлейссингомъ въ

¹⁾ Наше „Самарово“ изд. 2-е. СПБ. 1896, стр. 10, 12, 27, 43.

²⁾ Тамъ же, стр. 24.

1693 г., затѣмъ Григоріемъ Новицкимъ, наконецъ въ русскомъ анонимномъ и неизданномъ сочиненіи XVIII вѣка.

5) *Легенда рисунка* — на французскомъ языке, что несомнѣнно узываетъ на то, что рисунокъ сдѣланъ какимъ либо иностранцемъ. При этомъ надобно знать, что легенда эта написана не на розовой бумагѣ, то есть не на оригиналѣ, а на бѣло-бумажномъ паспарту и написана почеркомъ второй половины XVIII вѣка. Хотѣлось бы заглянуть на исподнюю сторону оригинала, не имѣется ли тамъ такой же помѣтки самого художника; однако отдѣлить наклеенный оригиналъ отъ паспарту мы не рѣшаемся.

6) *Самарово изображено въ лѣтнее время*, судя по плавающимъ по рѣкѣ судамъ. Въ XVIII в. мимо Самарова проѣзжало много академиковъ съ ученой цѣлью, которые, утомившись унылостью пріиртышской природы и тоскливостью видовъ окрестностей, любили останавливать свой глазъ и зарисовывать чудное положеніе села Самаровскаго. Оставимъ въ сторонѣ Делиля, отъ спутника котораго — Кенигсфельда имѣется уже извѣстный видъ села, и Палласа, который былъ въ Самаровѣ зимою 1772 г.; но и въ такомъ случаѣ есть еще Странбергъ 1728 г. и Миллеръ, Гмелинъ и Фишеръ ок. 1740 г.: которому нибудь изъ нихъ и можетъ принадлежать „видъ города Самары“.

Но дѣйствительно ли рисунокъ относится къ первой половинѣ XVIII в., утверждать все таки не рѣшаемся; съ большою увѣренностью можно только сказать, что дата Гирзemannовскаго каталога ошибочна, такъ какъ рисунокъ болѣе древній.

Во всякомъ случаѣ рисунокъ обязательно долженъ занять свое мѣсто при третьемъ изданіи „Самарова“, для котораго накопилось уже много материаловъ.

С.-Петербургъ,
5 января 1909.

Хр. Лопаревъ.

Съверные архивы.

(Отрывки).

Понятно желаніе даже случайного посѣтителя Березова или Сургута познакомиться съ исторіей этихъ съверныхъ, удаленныхъ отъ европейской культуры, захудалыхъ городковъ тобольской губерніи. Какъ тотъ, такъ и другой — мѣсто ссылки. Березовъ въ этомъ отношеніи даже знаменитъ, такъ какъ въ немъ жили и умерли известные ссыльные Меньшиковъ, Долгорукій, Остерманъ. Ихъ могилы показываютъ и теперь, причемъ только могила Остремана болѣе или менѣе достовѣрна, объ остальныхъ высказываютъ лишь вѣроятныя предположенія. Но что скажутъ могилы? Хочется выслушать разсказы, посмотреть переписки, дѣла, и ближе, какъ говорится, на самомъ мѣстѣ преступленія, познакомиться съ жизнью знаменитыхъ „государственныхъ преступниковъ“. Мѣстные источники слишкомъ бѣды. Указываютъ, напр., мѣсто, где, по преданию, стоялъ острогъ, въ которомъ содержался Меньшиковъ; сношенія съ пимъ были запрещены; попытка нѣкоторыхъ жителей завести сношенія съ сосланными кончилась тѣмъ, что нѣкоторыхъ березовскихъ обывателей, въ томъ числѣ и одного священника, сослали въ отдаленные мѣста, урѣзавъ языки.

Грустныя воспоминанія, связанныя съ этимъ мѣстомъ, ослабляются стоящей невдалекъ небольшой церковью. Чистая, белая, она какъ бы улыбается, красиво выдѣляясь на темномъ фонѣ группы лиственицъ — этихъ красавицъ съвера. Защищая церковь отъ бурь и непогоды, эти мощныя, стройныя деревья укоризненно кивають своими верхушками, глядя на нашу мрачную старину.

Г. Березовъ. Церковь, въ оградѣ которой указываютъ могилу Остремана.

Казалось бы, въ архивахъ должно сохраниться много интереснаго, но и тутъ—разочарованіе. Вамъ скажутъ, что все интересное потеряно или уничтожено пожарами. И дѣйствительно, архивы березовскаго и сургутскаго полицейскихъ управлений, съ которыми мнѣ пришлось ознакомиться, благодаря любезности исправниковъ И. В. Евсѣева и Г. А. Пирожникова, не заключаютъ въ себѣ какихъ-либо серьезныхъ данныхъ. Многое въ этихъ архивахъ можетъ быть отнесено лишь къ области курьезовъ или чисто бюрократическихъ упражненій въ управлѣніи сѣвернымъ краемъ. Вотъ небольшая часть этихъ материаловъ.

I. Ссыльный колоколъ.

Кромѣ известнаго угличскаго колокола, сосланнаго въ Тобольскъ царемъ Борисомъ Годуновымъ, не былъ ли сосланъ еще другой колоколъ,—въ г. Сургутъ?

Этотъ вопросъ невольно напрашивается при разсмотрѣніи дѣла „о доставленіи свѣдѣній о имѣемомъ на Сургутской Троицкой церкви колокольнѣ колоколѣ, сосланномъ якобы съ наказаніемъ изъ Россіи“.

Тобольское губернское правление, получив частные свѣдѣнія, что въ упраздненномъ городѣ Сургутѣ на колоколѣ Св. Троицы есть колоколь, сосланный въ прежнія времена изъ Россіи, съ наказаніемъ, 31 июля 1836 года предписало сургутскому отдельному засѣдателю доставить свѣдѣніе: „какого именно вѣсу сей колоколь, какая на немъ положена надпись и какія имѣеть на себѣ изображенія святыхъ“, и затѣмъ „узнать отъ старожиловъ, нѣть ли какихъ преданій или въ церковной архивѣ какихъ записокъ о времени, въ которое сосланъ означенный колоколь, по какому обстоятельству, откуда именно и какое сдѣлано ему было наказаніе“.

Засѣдатель Ширяевъ запросилъ объ этомъ 28 августа 1836 года священниковъ Сургутской Троицкой церкви. Тѣ отвѣтили „Его Благородію“ слѣдующей краткой надписью: „о таковыхъ секретныхъ дѣлахъ безъ главаго правительства нашего свѣдѣнія публичныя отбирать о наказаніи святыни не отваживаемся“. Подписали: „іерей Кайдаловъ, іерей Вергуновъ“. Затѣмъ священникъ Вергуновъ 1 сентября того же 1836 г. увѣдомилъ засѣдателя, что въ церковномъ архивѣ никакихъ свѣдѣній о колоколѣ не оказалось; „значится внесеннымъ въ опись колоколь, висящій на колоколѣ, поелейный, изображенія святыхъ иконъ на себѣ не имѣеть и вѣсу оному не означено“. О. Вергуновъ собралъ свѣдѣнія „также и од честныхъ людей“, но никто не могъ удостовѣрить, откуда колоколь сосланъ, или гдѣ наказанъ.

Засѣдатель, отвѣчая губернскому правленію, также добавляетъ, что онъ распрашивалъ сургутскихъ старожиловъ, но никто не могъ дать положительныхъ свѣдѣній о колоколѣ; „нѣкоторые изъ нихъ“, пишетъ засѣдатель, „уже престарѣлыхъ лѣтъ, сказываютъ по слухамъ, носившимся отъ предковъ ихъ, что присланъ якобы колоколь назадъ тому болѣе ста лѣтъ, называемый поелейной, но въ какое время, откуда присланъ и по какому обстоятельству,—того утвердить не могутъ“. По осмотру, произведеному засѣдателемъ, оказалось: „колоколь вѣсу долженъ быть не болѣе 20-ти пудъ, надписи на немъ и изображенія святыхъ никакихъ нѣтъ, кромѣ какъ только на

поверхности оного вылитая нащечка въ видѣ бордюра, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ края у оного нѣсколько выкрошились".

Какъ понимать первый, уклончивый отвѣтъ священниковъ Кайдалова и Вергунова?—Не скрыли ли они изъ боязни извѣстную имъ часть истины о колоколѣ? Къnimъ вѣдь сравнительно близокъ былъ случай урѣзанія языка березовскому священнику, а порядки 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія тоже не отличались особенной мягкостью.

II. Когда исчезли на съверѣ рѣчные бобры?

Въ юль 1829 года сургутскій отдѣльный засѣдатель получилъ запроѣтъ отъ гражданскаго губернатора „отобрать отъ торгующихъ въ Сургутѣ лицъ, какую именно послѣднюю и безъ малѣйшаго излѣшства цѣну согласятся взять за каждый фунтъ бобровой струи, нужной для тобольской казенной аптеки". Засѣдатель отвѣтилъ, что по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ „бобровой струи въ теченіи сего (1829) года въ продажѣ по сургутскому отдѣленію не было и ныпѣ оной въ рукахъ ни у кого не имѣется; какъ инородцы, такъ и русскіе въ промыслахъ своихъ сихъ звѣрей не добывали".

Сопоставимъ этотъ отвѣтъ съ заботой высшей администраціи края о сохраненіи дорогого звѣря, проявленной спустя 22 года.

5 юля 1851 г. на имя сургутскаго отдѣльнаго засѣдателя изъ тобольскаго губернскаго правленія послѣдовалъ указъ, при которомъ приложена копія предложенія предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ главнаго управления Западной Сибири тобольскому гражданскому губернатору отъ 14 апрѣля 1851 года. Въ предложеніи изложены „правила для предупрежденія совершиеннаго истребленія рѣчныхъ бобровъ въ Западной Сибири".

Правила кратки:

1. Запретить вообще въ Западной Сибири ловлю рѣчныхъ бобровъ въ продолженіи пяти лѣтъ.
2. Въ мѣстахъ, где водятся рѣчные бобры, запретить на разстояніи полуверсты истребленіе кустарниковъ и всякаго рода деревьевъ, особенно тополя, ивы и березы, которыми они наиболѣе питаются.

3. Наблюденіе за исполненіемъ сего возложить на старость (родоначальниковъ), родовыя управлениі и инородныя управы, согл. 71, 75 и 91 ст. учр. обѣ управ. инород., т. 2 св. зак., изд. 1842 г.

Эти правила Высочайше повелѣно „привести въ исполненіе, по съ тѣмъ, чтобы чрезъ сіе не послѣдовало стѣсненія инородцамъ или чтобы сіе не послужило поводомъ къ непозволительнымъ сборамъ и подобнымъ безпорядкамъ“.

Засѣдатель предписалъ, въ свою очередь, тринадцати инороднымъ управамъ. Какъ отнеслись инородцы къ этому распоряженію, въ рассматриваемомъ дѣлѣ свѣдѣній, къ сожалѣнію, неѣть.

Кустарниковъ и всякаго рода деревьевъ по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ Сибири еще много и теперь, а о рѣчныхъ бобрахъ осталось лишь одно воспоминаніе и трогательная забота „объ ограниченіи ловли рѣчныхъ бобровъ“.

III.

Но не одни бобры вызывали о себѣ заботу администраціи. Въ 1827 году изданъ былъ приказъ „о певынманіи инородцами и русскими изъ гнѣздъ лисятъ и соболей“. Приказъ начинается указаніемъ на вредъ такого способа добычи лисицъ и соболей. „Оные лисята, говорить приказъ, и соболенки, пропадаютъ всѣ сколько ни было, или хотя остаются изъ опыхъ самая малая часть живыхъ, не могутъ быть такими добротными, каковы бываютъ польскіе *) и продаютъ съ сидѣлыхъ звѣрей шкуры за безцѣнокъ“. Предписывалось объявить старшинамъ и всѣмъ инородцамъ „дабы они ни подъ какимъ видомъ лисятъ и соболей изъ гнѣздъ не вынимали, за симъ имѣть неослабное наблюденіе съ тѣмъ, чтобы если у кого окажутся сіи звѣри, таковыхъ отбирать и отпушщать на волю, и о тѣхъ инородцахъ доносить неотлагательно, а если со стороны вашей (приказъ „вахтерамъ магазина“) какіе откроются въ семъ случаѣ корыстолюбивые виды и ясашнымъ поноровки, то за все оное взыщется съ васъ самъ строгимъ образомъ“.

*) Полевые, дикіе.

Предложеніе съ изложеніемъ сущности приказа было послано семи старшинамъ и казачьей сотнѣ въ Сургутъ, причемъ въ приказъ казакамъ добавлено: „и болѣе всего злоупотребительно есть то, что симъ выводятъ и умаляютъ въ природѣ звѣря, коего время отъ времени становится менѣе“.

IV. „О травѣ крапивѣ и производимомъ изъ оной издѣліи“.

Сургутскій частный комисарь получилъ отъ тобольского гражданскаго губернатора предписаніе отъ 7 марта 1814 года доставить ему „удовлетворительнѣшее свѣдѣніе, не произрастаетъ ли во ввѣренномъ ему комисаріатствѣ крапива, и буде она есть, въ чёмъ я, пишетъ губернаторъ, и не сомнѣваюсь, то ясашные вырабатываются ли изъ оной и какіе именно издѣлія, при чёмъ приложить образцы сихъ послѣднихъ съ нужными объясненіями на счетъ прочности и употребленія оныхъ“.

Такой запросъ вызванъ былъ полученіемъ предписанія сибирскаго генералъ-губернатора, который получилъ свѣдѣнія, „что въ сѣверныхъ и южныхъ странахъ томской губерніи растетъ особеннаго рода крапива, которая по сдѣланымъ испытаніямъ оказалась годною не только па витье веревокъ, но и на пряжу для дѣланія певодовъ, также и одежды“. Комисарь донесъ: 1. „Трава крапива во всѣхъ ясашныхъ волостяхъ Сургутскаго комисаріатства произрастаетъ со избыткомъ, такъ что ясашные на потребные имъ изъ оной крапивы издѣлій никогда недостатка не имѣютъ; 2. Издѣлія изъ оной вырабатываются только тѣ, кои имъ свойственные, а именно: вить къ лукамъ веревки, называемые тетивы, прядуть нитки, невода и для сѣтей и сайповъ (?), которые по объясненію ихъ прочностію служать въ равномъ достоинствѣ, какъ и дѣлаемые изъ конопля; 3. Изъ выдѣлываемыхъ тѣми ясашными нитокъ можно бы ткать и холсты, но какъ тѣ ясашные по азіатскому обыкновенію къ таковой выдѣлкѣ холстовъ не свойственны, то и нигдѣ оныхъ по Сургутскому комисаріатству не производится; 4. Изъ выдѣлываемыхъ же изъ крапивы нитокъ двухъ сортовъ—первые толстые для неводной мережи, а послѣдніе тонкіе для сѣтей и

сайповъ ясашными всегда употребляемыми долгомъ поставить изъ оныхъ при семъ приложить въ видѣ образца“.

Образцы были доставлены генераль-губернатору, а комиссару предписано: „тѣмъ жителямъ, гдѣ таковая крапива прорастаетъ, винуть о размноженіи и обрабатываніи онай, яко растенія, могущаго принести для нихъ великую выгоду, и объ усльхъ донести въ свое время“. Конецъ переписки: „по ономъ Вашего Превосходительства повелѣнію мною распоряженіе учинено быть имѣть, о чёмъ покорнейше рапортую“. 26 ноября 1814 г. № 1222.

V. „Дѣло о годовыхъ свиньяхъ, обѣщающихъ родить 12 поросятъ“.

Тобольской духовной консисторіи въ 1810 году понадобилось имѣть свѣдѣніе: „въ какой цѣнѣ состояли вышеозначенаго (1807) и нынѣшняго (1810) года въ Югановскомъ погостѣ годовая свиньи, обѣщающія родить 12 поросенковъ“. Объ этомъ посланъ былъ запросъ въ сургутское духовноеправление. Обратились къ какому то полицейскому чиновнику (не разборчивъ его титулъ), который составилъ такую надпись: „отъ Сургутского купецкаго и мѣщанскаго общества потребно мнѣ свѣдѣніе, по какой цѣнѣ состояли въ 1807 и нынѣшнемъ (1810) году въ Югановскомъ погостѣ годовая свиньи, обѣщающія родить двѣнадцать поросенковъ“. Подпись Пролежибуховъ. Староста отвѣтилъ, что „въ Юганѣ годовая свинья не продавались по певывозу, а въ Сургутѣ продавалась по четыре рубля и съ полтиною четырь“.

При разсмотрѣніи какого дѣла могли понадобиться консисторіи свѣдѣнія о свиньяхъ, „обѣщающихъ“ 12 поросятъ?

VI. Березовское чудо.

Осенью 1845 г. звѣропромышленники остыкъ Фалалей Лыксовъ и самойль. Обыль въ урманѣ убили необыкновенное чудовище: „поставь человѣческій, росту ари. 3-хъ, глаза одинъ на лбу, а другой на щекѣ, шкура недовольно толстой шерсти, потонѣе собольной, скуды голыя, у рукъ вмѣсто пальцевъ кокти,

у ногъ пальцевъ не имѣть, мужеска пола". Такое свѣдѣніе привезъ въ с. Полновацкое священникъ Михей Шоповъ, которому на р. Мазымъ, куда онъ Ѵздила для исполненія требъ, рассказывалъ старшина Тарликъ. Отставной урядникъ Андрей Шаховъ послать объ этомъ 16 декабря 1845 г. „допошеніе“ въ березовскій земскій судъ. Тамъ того же числа „приказали“: копію донесенія урядника препроводить при указѣ къ и. д. кондинскаго отдѣльного засѣдателя Кожевникову, съ нарочнымъ казакомъ, „велѣвъ ему, Кожевникову, тотчасъ по полученіи указа отправиться на мѣсто происшествія и противу означеннаго допошенія сдѣлать личное удостовѣреніе, и если по таковому окажется оное справедливымъ, какъ изъясняетъ урядникъ Шаховъ, то велѣть ему, Кожевникову, застрѣленнаго изъ ружья промышленниками и породцами необыкновенного возвраста человѣка съ глазами на лбу и на щекѣ доставить со всею сохранностию въ Земскій судъ въ натуральномъ онаго видѣ и сколь можно поспѣшище, и о происшествіи, какимъ образомъ оно сопровождалось, произвестъ подробное удостовѣреніе и также представить въ судъ“. Объ этомъ донесено было тобольскому губернатору и губернскому правлению.

Засѣдатель Кожевниковъ немедленно отправился на р. Мазымъ, но на пути встрѣтились разнаго рода препятствія, въ видѣ бездорожья, отсутствія оленей, невозможности ранѣе 5-6 дней отыскать самойда и остыка, застрѣлившихъ какое то чудовище. Указавъ на то, что чудовище будто бы добыто въ октябрѣ, а слѣдовательно могло быть расхищено звѣрями и занесено снѣгомъ, что скоро отыскать едва ли возможно, въ виду своего поздоровья и приближенія времени сбора ясака, засѣдатель донесъ, что онъ возвратился обратно, а на розыски командировалъ урядника Никифора Ямзина. Послѣдній явился съ розысками 27 декабря и донесъ, что онъ отыскалъ „звѣро-промышленниковъ, застрѣлившихъ будто какого-то чудовища“. Это были: Кызымской волости некрещеный самойдинъ Подарутиной ватаги Обыль, 45 лѣтъ, и остыкъ денищиковскаго отдѣленія вартлинскихъ юртъ Фалалей Анисимовъ Лыкысовъ, 32 лѣтъ. Обыль объяснилъ, что вмѣстѣ съ Фалалеемъ пашли

въ лѣсу „какого-то чудовища, облажанаго собаками, отъ коихъ онъ оборонялся своими руками; по приближеніи 15 сажень къ боку изъ заряженаго ружья Фалалей стрѣлилъ въ онаго чудовища, которое ипало на землю. Осмотрѣли его со всѣхъ сторонъ, орудія при немъ никакого не было, ростомъ 3 аршина, мохнатой, не имѣлось шерсти только на посушливыхъ щекахъ, шерсть густая длиной въ полвершка, цвету черноватаго, у ногъ перстовъ нѣть, пяты востроватыя, у рукъ персты съ коктями, для испытанія разрѣзывали тѣло, которое имѣть видъ черноватой, и кровь черная, чудовища сего оставили безъ предохраненія на томъ мѣстѣ“. Показаніе осяка Фалалея Лыкысова пошло въ разрѣзъ съ показаніемъ Обыля. Не отвергая, что съ Обылемъ ходилъ на промыселъ, онъ „никакого въ яву чудовища не находилъ и не видалъ, кроме во сиѣ видѣть подобнаго разсказу чудовища, по пробудѣ разсказывалъ Обыло, который, вѣроятно, съ сего напечь слухъ, или можетъ самъ онъ убилъ такого чудовища“. Послѣ этого Ямзинъ старался розыскать, по указанію Обыля, мѣсто, где убито чудовище, но розыскать не могли. Обыль даже и примѣть никакихъ не нашелъ и высказалъ предположеніе, что то чудовище кѣмъ-либо взято.

Интересъ къ чудовищу все возрасталъ. Земскій судъ настойчиво требовалъ отъ засѣдателя представить чудовище. А земскій исправникъ, успѣвшій уже заинтересовать этимъ тобольскаго губернатора, даетъ кондинскому засѣдателю 18 февраля 1846 г. слѣдующее предложеніе, которое озаглавлено: „о само-пужайшемъ“: „Чрезъ посланнаго мною въ Тобольскъ съ казенными бумагами нарочнымъ козака я получилъ отъ его превосходительства господина состоящаго въ должности гражданскаго губернатора, сверхъ сдѣланнаго имъ мнѣ письменнаго предписанія еще словесное приказаніе, чтобы непремѣнно найти застрѣленное на промыслахъ инородцами необыкновенное чудовище. А какъ открытие онаго возложено мною на васъ, и обѣ этомъ имѣете вы предписаніе какъ отъ земскаго суда, такъ и отъ меня собственно отъ 8 и 29 числа истекшаго Генваря за № 10 и 33, но до сихъ поръ не получено

отъ васть никакого донесенія о послѣдствіяхъ вашихъ розысковъ, то постому, объявляя вамъ о вышеозначенномъ приказаниіи его превосходительства, я наистрожайше предписываю вамъ употребить всевозможное стараніе къ непремѣнѣйшему отысканію означеннаго застрѣленаго чудовища, не взирая ни на какіе невозможности, ибо въ противномъ случаѣ оправданія въ этомъ прияты въ резонъ не будуть, а напротивъ послужатъ доказательствомъ нерасторопности, бездѣйствія и нерадѣнія.

При чёмъ обязываю васть, когда найдете вы это чудовище, то старайтесь какъ можно со всею сохранностью доставить оно въ Кондинскъ, и тотчасъ же прислать ко мнѣ нарочнаго съ донесеніемъ объ этомъ, ибо я самъ пребуду въ Кондинскъ для сдѣланія по этому предмету дальнѣйшаго распоряженія; въ случаѣ же бы паче чаянія неотысканія этого чудовища, то вы о послѣдствіи вашихъ розысковъ, такъ и о причинахъ молвы объ этомъ чудовищѣ, отъ чего таковая произошла, должны со всею подробностью и немедленнѣйше донести мнѣ и земскому суду.

Впрочемъ я остаюсь въ надеждѣ, что Ваше Благородіе, употребивъ дѣятельность свою и стараніе къ розыску, поставите себѣ описывать описанной подробности, по найдете и доставите въ натурѣ застрѣленное чудо". Подпись: „Въ должности Березовскаго земскаго исправника Кучеровскій".

Предписаніе написано исправникомъ собственноручно, четкимъ, красивымъ почеркомъ, какимъ писали наши дѣды. А стиль? Тутъ и дѣловое вступленіе, приказаніе, инструкція, указаніе на послѣдствія ненисполненія (бездѣйствіе, нерадѣніе) и наконецъ тонкая просьба.

Получивъ такое предписаніе, могъ ли засѣдатель не исполнить его? Онъ немедленно отправился чрезъ Малоатлымское село и юрты Сартынь—Гортъ въ рѣку Мазымъ, въ Вершинскія Мазымскія юрты, отстоящи отъ Кондинска въ 200 верстахъ—местожительство остыка Фалалея Лыкысова. Туда же былъ доставленъ и самъ Обыль, по прозванию Подарунть. Видимо на послѣдняго засѣдатель возлагалъ большія

надежды и примѣнилъ въ разговорѣ съ нимъ особо осторожные приемы. Чрезъ переводчика Кокоулина засѣдатель предупредилъ Обыля, „чтобы онъ ни малѣйше не имѣлъ въ мысли своей какого-либо подобострастія, какъ къ бывшему хозяину своему (Фалалею), такъ по нехристіанству суевѣрнаго мненія (отъ считаемаго имъ, Обылемъ, дьявола) чудовища, котораго застрѣлилъ его хозяинъ Лыкысовъ“. Послѣдствіемъ такихъ премовъ было то, что Обыль въ присутствіи многихъ свидѣтелей „обнадѣжилъ, что онъ отыщетъ и укажетъ, гдѣ убито чудовище, лишь бы хозяинъ его Фалалей Лыкысовъ довелъ до ночлежнаго шалаша, отъ коего происшествіе было не въ дальнемъ разстояніи“.

Оставалось получить подтвержденіе отъ Фалалея (засѣдатель называетъ его уже Пантелеемъ) Лыкысова, котораго засѣдатель „розыскнымъ разговоромъ испытывать о происшествіи застрѣленного чудовища, о мѣстѣ и проч.“.

Къ удивленію Лыкысова заявилъ, что Обыль „ложно разгласилъ“. „Бывши съ Обылемъ на промыслѣ, говорилъ осякъ, въ одну бурную ночь дѣйствительно приснилось ему, что будто повстрѣчался на пути по обляпіи собаками съ чудовищемъ (дьяволомъ), ростомъ болѣе 5 аршинъ, востроголовый, всего въ ширсти, отчего и лица, какъ помнить, не замѣтилъ, но падежный видъ былъ весь похожій на человѣка; будучи въ испуганности отъ такого чудовища, какъ будто на яву, для предохраненія своей жизни стрѣлилъ изъ ружья и то чудовище пало на землю; при семъ послѣднемъ видѣніи его, Пантелея, Обыль началъ рубить дрова и отъ сего онъ, Пантелея, пробудился, тогда же сварили пищу, сѣлиѣсть, то онъ, Пантелея, Обылю рассказалъ свой сонъ, о которомъ по проходѣ и домашнимъ говорилъ, па яву же такого происшествія не было, въ чёмъ и увѣрилъ рѣшительно“.

Обыль стоялъ на своемъ: „пусть хозяинъ отыщетъ и указать тотъ шалашъ, гдѣ имѣли почлегъ, а отъ сего онъ, Обыль, можетъ отыскать мѣсто, гдѣ убито чудовище“.

Въ виду такой категоричности заявленія самой засѣдатель снарядилъ цѣлую экспедицію, взялъ урядника, Обыля, Пан-

телея, одиннадцать осяковъ и двухъ самоѣдовъ. Дорогой Обыль все обнадеживалъ отыскать чудовище. Это было въ концѣ февраля. Шли на лыжахъ сутки. Наконецъ экспедиція прибыла къ самому интересному пункту. Вотъ шалаши изъ еловыхъ вѣтвей въ густомъ лѣсу, въ логовище при рѣчкѣ, впадающей въ рѣку Вожлымъ. Интересъ участниковъ экспедиціи достигъ наивысшей точки: вотъ-вотъ Обыль укажетъ предметъ поисковъ. Но тутъ случился совершенно неожиданный оборотъ. Самоѣдинъ Обыль „когда потребовано было отъ него указать мѣсто, гдѣ убито чудовище, сказалъ, что ничего неѣть, хозяинъ вѣдѣлъ во снѣ, и подтвердилъ всѣ тѣ слова, что объяснилъ Паптелей“. Легко себѣ представить разочарованіе засѣдателя и его спутниковъ. „Всѣми мѣрами“ Обыля стали убѣждать указать отыскиваемое мѣсто, но онъ рѣшительно утверждалъ, что никакого чудовища онъ не знаетъ и объяснялъ, что сонъ, разказанный хозяиномъ, онъ передалъ своимъ родовичамъ, желая похвастаться тѣмъ, что убили Куль или Мѣнпѣ (дьяволъ) и что онъ никакъ не предполагалъ, что его разсказу будетъ придано такое значеніе.

Печально было возвращеніе экспедиціи съ поисковъ. Полное разочарованіе, неудача. Съ прискорбіемъ, конечно, пришлось донести обѣ этомъ исправнику, который, въ свою очередь, донесъ губернатору и губернскому правленію.

Дикая, темная исторія. Всѣ фигуры въ ней характерны.

Безъ конца отравляютъ алкоголемъ мозгъ осяковъ и самоѣдовъ. Недостатокъ водки аборигены съвера восполняютъ, какъ говорятъ, наркотическими настойками, напр., настойкой изъ мухомора.

Въ безпросвѣтную бурную ночь въ глухомъ лѣсу чего только не представится въ отравленномъ мозгу дикаря-охотника.

Но все это, такъ сказать, въ порядкѣ вещей.

А вотъ земскій судъ и эти „допошенія“, предписанія, рапорты и цѣлая экспедиція съ засѣдателемъ во главѣ въ поискахъ за чудомъ,—это какъ?

Въ заключеніе не могу не привести отрывокъ изъ старой сургутской статистики.

Въ березовскій земскій судъ была представлена „отчетность по управлению сургутскимъ участкомъ со статистическими свѣдѣніями за 1858 годъ“. Въ этой „отчетности“ обращаютъ на себя вниманіе такія рубрики и отвѣты на нихъ:

1) „Дворянскіе выборы: дворянскихъ выборовъ въ Сургутскомъ участкѣ не производится“;

2) „Народная правственность: замѣтный порокъ у чернаго народа, въ особенности у впородцевъ, есть пьянство, противу котораго принимались мѣры“;

3) „Благонадежность: благопадежность зависитъ отъ усмотрѣнія Березовскаго Земскаго Суда“.

4) „Заключеніе“: „Земскій Судъ изъ сего отчета изволить усмотреть касательно управления участкомъ“.

г. Тобольскъ.
8 февраля 1909 г.

Сообщ. П. Маковецкій.

